

Несколько лет назад я ездила с друзьями в Камбоджу. Поехала просто как турист, чтобы увидеть, как живут люди, культура которых в истории человечества несколько раз поднималась на самую вершину, а затем падала в глубокую пропасть или просто уходила в забвение. Я не хотела смотреть на когда-то величайший город мира Ангкор-Ват из-за спин вооруженных охранников в темных очках. Я мечтала сама побродить в забытом в джунглях гигантском городе точно так, как и другие. Я хотела увидеть народ, построивший когда-то город, который в свое время, когда в нем жил миллион человек, был в 20 раз больше Лондона. Но то, что ожидало нашу маленькую группу туристов с рюкзаками, во сто крат превзошло наши ожидания.

В сегодняшней столице Камбоджи Пномпене никто не мог сказать, сколько миллионов человек живет здесь сейчас. Угадайте, сколько там было светофоров? Один! Нам даже посчастливилось его увидеть, но удивительным образом этот светофор, скорее, разжег вокруг себя ссору, а не навел порядок. В первый день мы не могли представить, как можно перейти 8-10-рядную городскую дорогу, по которой двигается транспорт, начиная от ослов и приводимых в движение человеком «туктуков» до мощных «хаммеров». Переход можно было искать до вечера. Так что надо было либо отказываться перейти дорогу, либо рисковать и переходить там, где это кажется наименее безопасным. На следующий день мы попробовали. И надо же, броуновское движение транспорта спокойно уходило то в одну, то в другую сторону, и мы ни разу не подверглись опасности. Конечно, движение было медленным, в городе всего пара улиц покрыты асфальтом, так что если осел или человек так или иначе не могут двигаться быстрее 10 км/час, то гигантские внедорожники просто не могут разогнаться здесь быстрее 30 км/час. Довольно скоро мы поняли, что в этой стране действует только одно правило дорожного движения: я не причиню боли тебе, а ты не причиняй боли мне. Говорят, что там намного меньше аварий, чем в какой-нибудь развитой стране.

И замечательно, потому что врачебной помощи в нашем понимании там не было. В особенно безнадежном положении оказывался человек, который в темное время попадал в беду где-нибудь за пределами города. В таком случае можно быть на 100% уверенным, что помощи нет и не будет. Знакомые рассказывали, как американец сломал ногу в мотоциклетном походе. Его жизнь спасли собранные друзьями 60 000 USD, которые пошли на заказ вертолета из Таиланда и на оплату врачебной помощи в Бангкоке. Вторая история, которую мы слышали, повествовала о французском поваре, который выехал из темного Пномпеня, столкнулся на дороге с быками (у них ведь нет светоотражателей!) и перевернулся на машине, оставшись в поле. По своему многолетнему опыту он знал, что помощи не будет, и в течение следующих часов отправлял со своего мобильного телефона друзьям прощальные сообщения. К утру он умер. От особой лихорадки, которую разносят комары и которую можно вылечить только внутривенным переливанием, местные жители погибают тысячами, а вот

заразившийся зарубежный дипломат спасся под капельницей в соседней стране.

Я не могла представить себе, что в наследии французской колонии – роскошных виллах, которые пустуют со времен террора Пол Пота, можно жить так, что семья из 10 человек захватывает всего одну комнату. Закрываешь окно и дверь тентом и жилье готово. В Камбодже не было ни одной крупной электростанции, поэтому эта бедная страна пользовалась самой дорогой в мире электроэнергией. По иронии судьбы Камбоджа стала первым государством, в котором полностью перешли на энергосберегающие лампочки. По вечерам семья или несколько семей собирались в одной открытой комнате, в которой зажигалась полутемная энергосберегающая лампочка. Или мерцал экран телевизора. Когда в сумерках проезжаешь через такие деревни, возникает чувство, будто двигаешься по Луне или Марсу. Как народ, 80% которого питается лишь чашкой риса в день, все же смог испытывать радость и рожать детей – это остается загадкой. Из проведенных там пары недель половина времени меня не покидало чувство, что все что я вижу – не происходит в реальности. Что это фильм, в который я просто вмонтирована.

По возвращении в Эстонию меня настиг культурный шок. Эти расцветающие в наших СМИ брюзжание, ругань и жалобы показались режущими ухо, низкими и несправедливыми. Я подумала о камбоджийском мальчишке-лодочнике, который на ломаном английском объяснял, что он никогда не был ни в одной стране и, наверное, никогда и не сможет поехать, потому что он – бедный. Но он радовался, что придумал для туристов свою услугу – доставлял их весельной лодкой по морю на пустынный островок, накрывал там на песчаном пляже стол из местных даров, а потом привозил туристов обратно. Это не удавалось каждый день, но все же столько, что он мог позволить себе маленький роллер, на котором можно было по вечерам кататься с другими ребятами по пляжу и пить лимонад. «Это моя земля. Мой дом», – сказал он нам простые слова, когда в сумерках вез нас обратно на материк.

Именно такого отношения нам, наверное, и не хватает. Чтобы Эстонское государство не было безликим образованием, которое можно с убийственной последовательностью ругать, проклинать и унижать. Это наша земля. Мы сами. Наш дом. Дома не топают грязными ногами. Дома не враждуют друг с другом. Дом должен быть любимым и безопасным. Полученным в дар от предков. Наша крепость. Сохраненная в красоте для детей. Эстония и есть наш дом.

С днем рождения!